

П. Казанский

**Правда ли, что наше
духовенство не хочет и не
умеет учить народ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П11

П11 **П. Казанский**
Правда ли, что наше духовенство не хочет и не умеет учить народ / П. Казанский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 118 с.

ISBN 978-5-458-56375-8

ISBN 978-5-458-56375-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

народномъ благѣ и народномъ просвѣщеніи—уничтожить вліяніе православной церкви на народъ и его образованіе, высказывается во многихъ журналахъ и газетахъ болѣе и менѣе откровенно и прямо, и при этомъ всегда, въ видѣ аргумента, подвергается осмѣянію и позору наше духовенство, какъ сословіе, утратившее и умъ и сообразительность, и нравственность.

Но нигдѣ, по нашему мнѣнію, эта завѣтная мечта не высказывалась съ такою нахальною наглостью, съ такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ православной церкви, съ такою ожесточенною и слѣпою ненавистью къ пастырямъ нашей церкви, съ такимъ множествомъ злословія, издѣвательства, попрековъ и клеветы, какъ въ указанной статьѣ г. Маркова.

Высказывая похвалы программѣ новаго (теперь уже сошедшаго со сцены) министерства народнаго просвѣщенія за то, что она отличается зиждательнымъ и примирительнымъ характеромъ, что въ ней замѣтно стремленіе министерства „возстановить нормальныя (?) условія здоровья и спокойствія, которыхъ былъ лишень такъ долго вопросъ народнаго образованія“—г. Марковъ рекомендуетъ министерству только одну отрицательную мѣру, которая составляетъ непремѣнное условіе будущей плодотворной дѣятельности по вопросу народнаго образованія. Мѣра эта до такой степени важна для развитія народнаго образованія, до такой степени необходима для плодотворной дѣятельности министерства, что только исполни оно эту мѣру—разрѣшеніе вопроса о народномъ образованіи „уже не представитъ особыхъ трудностей и сомнѣній, разсѣется въ немъ удушающая его теперь атмосфера подозрительности, вражды и недовѣрія, все въ немъ станетъ просто и ясно; онъ (вопросъ о народномъ образованіи?) потечетъ спокойно, какъ рѣка равнины, освѣжая и наполняя новою жизнью все, что будетъ омываться его плодотворными водами“ (?). Если

же министерство не послушается совѣта г. Маркова и не исполнить его предначертаній—погибла Россія, погибла въ ней народное образованіе!

Въ чемъ же заключается рекомендуемая г. Марковымъ отрицательная мѣра, отъ которой зависитъ судьба Россіи и народнаго въ ней образованія? Въ очищеніи храма народнаго образованія отъ всякихъ неприванныхъ мытарей и фари́сеевъ. Г. Маркову кажется, что „храмъ народнаго просвѣщенія во всѣхъ разнородныхъ своихъ отдѣлахъ и на всѣхъ своихъ ярусахъ наполнился, въ послѣдніе дни, всякими неприванными мытарами и фари́сеями, учредившими въ нихъ свои торжища. По примѣру Божественнаго Учителя, прежде чѣмъ возвыситъ кроткій голосъ забытой истины, необходимо взять въ руки вервие и изгнать изъ храма торгующихъ, опрокинуть нечестивыя сѣдалища ихъ“.

Что же это за мытари и фари́сеи, противъ которыхъ кипитъ ревность въ благородномъ и чистомъ сердцѣ г. Маркова и которыхъ онъ (еслибы только имѣлъ власть) бичомъ изъ вервий изгналъ бы изъ храма народнаго просвѣщенія и опрокинулъ бы нечестивыя ихъ сѣдалища?

Это—если не исключительно, то по преимуществу священники православной русской церкви, призванные правительствомъ къ преподаванію закона Божія юношеству, какъ въ высшихъ и среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ православной Россіи; это—вообще наше православное духовенство, въ школахъ и внѣ школы трудящееся для религіозно-нравственнаго воспитанія народа.

Изгнать съ позоромъ православное духовенство изъ храма народнаго просвѣщенія, съ безчестіемъ вытолкать его изъ народныхъ школъ—вотъ та необходимая отрицательная мѣра, которая можетъ разомъ уничтожить всѣ трудности, соединенныя съ вопросомъ о

народномъ образованіи и посредствомъ которой, по мнѣнію г. Маркова, новое министерство можетъ стяжать себѣ славу въ вѣкахъ грядущихъ!

На чемъ же утверждается этотъ жестокой, позорный для русскаго духовенства и русской церкви приговоръ г. Маркова? Что взволновало его желчное негодование противъ пастырей православной церкви?

По мнѣнію г. Маркова, все наше духовенство, начиная съ самыхъ высшихъ его представителей и кончая самыми низшими членами его, есть не болѣе, какъ соль, потерявшая силу, годная только на то, чтобъ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ. Чтобъ оправдать свое мнѣніе о нашемъ русскомъ духовенствѣ и чтобъ подвигнуть новое министерство къ позорному изгнанію законоучителей изъ народныхъ школъ, авторъ изображаетъ духовенство въ самыхъ ужасныхъ, отвратительныхъ, возбуждающихъ омерзение краскахъ, какія только можетъ придумать человѣкъ, возбужденный непримиримою ненавистью. Имъ нарисована ужасная картина религіозно-нравственнаго состоянія нашего духовенства. Если повѣрить рѣчамъ г. Маркова,—вся іерархія, все сословіе пастырей и учителей русской церкви находится въ непроглядной духовной тьмѣ, отвергло Христа, не понимаетъ Его ученія, сдѣлалось грубымъ, полуязыческимъ, „всею своею жизнью провозглашаетъ одинъ грубый культъ мамоны“ (198): оно не только само ходитъ въ этой ужасной тьмѣ невѣрія и безнравственности, но и распространяетъ ее повсюду, гдѣ еще сохранился свѣтъ ученія Христова; оно не только само нечестиво и безнравственно, но и въ другихъ убиваетъ всякое религіозно-нравственное чувство своимъ мертвящимъ вліяніемъ: „если бы вручить, вѣщаетъ г. Марковъ, нашу зарождающуюся школу теперешнему духовенству, то въ ней очень скоро не осталось бы даже отдаленнаго намека на религіозно-нравственныя начала,

точно так же, какъ не осталось слѣда ихъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ“. Можно ли терпѣть такое до мозга костей испортившееся сословіе въ средѣ общества? Какая непростительная, пагубная для нашего отечества ошибка, что до сихъ поръ терпѣли такое духовенство и даже позволяли ему распространять свое пагубное вліяніе! Новое министерство непремѣнно обязано употребить все зависящія отъ него средства, чтобы предохранить молодое поколѣніе отъ развращающаго вліянія нашего духовенства, и съ позоромъ, и какъ можно скорѣе изгнать изъ храма просвѣщенія всѣхъ священниковъ-законоучителей и опрокинуть нечестивыя сѣдалища ихъ... если только министерство повѣритъ словамъ г. Маркова.

Если *повторить!*.. Въ самомъ дѣлѣ, г. Марковъ злословить, позорить, топчетъ въ грязь цѣлое сословіе, взводитъ на него ужасныя обвиненія и произносить надъ нимъ смертный приговоръ, не освобождая отъ него почти ни одного члена осуждаемаго имъ сословія; но не указываетъ фактовъ, послужившихъ основаніемъ такому приговору; обвиненія, взводимыя имъ на духовенство, крайне голословны и бездоказательны.

Какъ ни трудно возражать тому, кто не столько обсуждаетъ предметъ хладнокровно, на основаніи опредѣленныхъ фактовъ, сколько сыплетъ бранью, злословіемъ и клеветою; но намъ все-таки хотѣлось бы, по мѣрѣ силъ, показать, какъ несправедливъ г. Марковъ въ своей враждѣ противъ духовенства; какъ много онъ клеветаетъ на него и какъ неоснователенъ и даже опасенъ его проектъ изгнанія отцевъ законоучителей изъ народныхъ школъ и врученія дѣла религіозно-нравственнаго воспитанія народа учителямъ, вышедшимъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій.

По мнѣнію г. Маркова, наше духовенство „ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться воплощеніемъ

религіозной нравственности и органомъ, способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности... Наше грубое и полужыческое духовенство... не вноситъ въ жизнь народа никакого духовнаго совѣта (свѣта?), не возвышаетъ ни сколько сердца и мысли массы отъ привычныхъ имъ матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды“.

Быть воплощеніемъ религіозной нравственности— это весьма высокое требованіе, возвышенный идеаль, который вполнѣ осуществился только въ одномъ Сынѣ Человѣческомъ, Богочеловѣкѣ І. Христѣ. Остальные люди только стремятся къ нему и никогда вполнѣ не могутъ достигнуть его. Исторія церкви Христовой представляетъ намъ безчисленное множество людей, жизнь которыхъ отличалась высокими нравственными совершенствами. Но никто изъ нихъ никогда не говорилъ и не сознавалъ, что жизнь его есть воплощеніе и полное осуществленіе христіанской нравственности и христіанскаго совершенства; напротивъ каждый изъ нихъ глубоко сознавалъ и чувствовалъ, что жизнь его далека отъ идеальнаго совершенства, что въ ней существуетъ противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ людяхъ святыхъ, сіявшихъ высокими нравственными совершенствами, это сознаніе было даже глубже и сильнѣе, чѣмъ у людей обыкновенныхъ и грѣшныхъ. Этотъ разладъ между дѣйствительностью и идеаломъ всегда существуетъ не только у отдѣльныхъ людей, но въ цѣлыхъ народахъ, въ цѣлыхъ сословіяхъ и классахъ каждаго народа въ самые лучшіе и высшіе моменты ихъ историческаго развитія и жизни. Если смотрѣть на жизнь людей съ идеальной точки зрѣнія; то никто изъ людей не избѣжитъ осужденія: народы, сословія, люди всѣхъ званій, состояній и родовъ занятій должны будутъ явиться массой осужденныхъ и признанныхъ негодными. Если и на наше духовенство смотрѣть съ этой

высшей идеальной точки зрѣнія; то, конечно, и оно не можетъ быть признано воплощеніемъ религіозной нравственности и не можетъ избѣжать осужденія. Оно, какъ и всякое другое сословіе, состоитъ не изъ ангеловъ, а изъ людей, а потому въ его жизни всегда было, есть и будетъ противорѣчіе между его дѣйствительной жизнью и тѣмъ идеаломъ, къ которому оно должно стремиться въ своей жизни.

Но сказать, что наше духовенство „ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться воплощеніемъ религіозной нравственности и органомъ способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности“ — значитъ сказать о немъ самое худшее, что можно сказать къ униженію человѣка. Человѣкъ, котораго ни въ какомъ смыслѣ нельзя признать воплощеніемъ религіозной нравственности тоже, что человѣкъ, утратившій вѣру въ Бога, чуждый высшихъ нравственныхъ стремленій, совсѣмъ извратившій свою природу; онъ уже потерялъ человѣческое достоинство и не имѣетъ права называться человѣкомъ; кромѣ внѣшности въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго и въ сущности онъ не болѣе, какъ животное. Вотъ что хочеть сказать г. Марковъ о нашемъ духовенствѣ! И высказавъ эту позорную и унижительную для духовенства сентенцію, г. Марковъ нисколько не думаетъ подтвердить ее хоть чѣмънибудь. Слѣдуя маперѣ г. Маркова—при сужденіи о нашемъ духовенствѣ ограничиваться рѣзкими, беспощадными, но бездоказательными и голословными фразами, и мы, защищая духовенство, могли бы ограничиться только рѣзкимъ и голословнымъ отрицаніемъ правды въ словахъ г. Маркова и похвальными отзѣвами о нашемъ духовенствѣ; мы могли бы распространиться на слѣдующую тему: въ вашихъ словахъ, г. Марковъ, нѣтъ и малой доли правды: нашему духовенству присуще глубокое религіозно-нравственное чувство и въ его

жизни осуществляется религиозно-нравственный идеалъ въ достаточной степени, по крайней мѣрѣ ничуть не меньше, чѣмъ въ жизни всякаго другаго сословія; далѣе, въ нашемъ духовенствѣ религиозно-нравственныя понятія и разумнѣе, и выше, и чище, чѣмъ въ другихъ нашихъ сословіяхъ; наконецъ наше духовенство не только по своимъ религиозно-нравственнымъ понятіямъ выше и чище другихъ сословій, но и жизнь его гораздо больше соотвѣтствуетъ христіанскому идеалу и дѣйствуетъ воспитывающимъ образомъ на народъ, и пр. Но подобнаго рода защита духовенства противъ вводимыхъ на него тяжкихъ обвиненій, состоящая въ голословномъ указаніи его достоинствъ и преимуществъ, конечно, не имѣла бы силы и не принесла бы ему пользы: мы знаемъ, что такая защита произвела бы непріятное впечатлѣніе даже на тѣхъ, которые относятся сочувственно къ духовенству, а люди, враждебные къ нему, посмотрѣли бы на нее, какъ на хвастливую и подозрительную рекламу; а реклама своими неумѣренными и голословными похвалами можетъ подѣйствовать развѣ только на людей наивныхъ и простодушныхъ; въ большинствѣ же читающихъ ее она можетъ возбудить лишь недоувѣріе и подозрительность къ тому предмету, къ которому она относится. Вполнѣ признаемъ неудобство рекламъ въ дѣлѣ защиты кого-бы то ни было и въ своемъ спорѣ съ г. Марковымъ о нашемъ духовенствѣ отказываемся отъ употребленія приемовъ рекламы; но если напыщенные и голословныя похвалы кому или чему нибудь, называемыя *рекламой*, возбуждаютъ въ людяхъ недоувѣріе и подозрительность; то мы не можемъ не высказать желанія, чтобы и къ голословному и бездоказательному злословію и порицанію, или *пакостию* на кого или что нибудь, люди относились съ неменьшимъ недоувѣріемъ и подозрительностью, чѣмъ къ рекламѣ.

Къ своей цѣли мы пойдѣмъ другимъ путемъ; на него указываютъ намъ слова обвинительнаго противъ духовенства пункта, гласящаго, что „наше духовенство не можетъ быть органомъ, способнымъ привить къ народу привычки религіозной нравственности“. Если у г. Маркова было какое нибудь основаніе къ такому сужденію о нашемъ духовенствѣ; то, конечно, такимъ основаніемъ было его убѣжденіе въ томъ, что религіозно-нравственная жизнь нашего народа находится въ жалкомъ состояніи, что если и есть у нашего народа религіозно-нравственныя понятія, чувствованія и стремленія, то они до такой степени неясны, слабы и безжизненны, что не обнаруживаются въ дѣйствительной его жизни, не вошли въ плоть и кровь его и не вліяютъ на складъ и отношенія его жизни. Предполагаемъ, что причину религіозной неразвитости нашего народа г. Марковъ видитъ въ его духовныхъ пастыряхъ и потому приходитъ къ заключенію, что „наше духовенство ни въ какомъ смыслѣ не можемъ считаться воплощеніемъ религіозной нравственности и органомъ, способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности“.

Но вѣрно ли то основаніе, на которомъ утверждается выводъ г. Маркова о нашемъ духовенствѣ? Вѣрна ли мысль, будто нашъ народъ не отличается религіозностью, будто онъ не обладаетъ „привычками религіозной нравственности“ и неспособенъ „возвышаться сердцемъ и мыслью отъ привычныхъ ему матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды?“ Правда, не одинъ г. Марковъ такъ думаетъ о религіозности нашего народа; и до него были и теперь есть еще люди, которые называютъ „вздоромъ“ религіозность нашего народа, объявляютъ его „почти не христіанскимъ народомъ“. Но тѣ изъ нашихъ писателей, которые ближе знаютъ нашъ простой народъ, съ любовію и безъ предубѣжденія изу-

чали его внутреннюю жизнь, утверждают напротив, что нашъ народъ глубоко религиозенъ, проникнутъ духомъ евангельской любви,—что „несмотря на свою грубость и свои грѣхи обладаетъ глубокимъ знаніемъ Христа и Его спасительнаго ученія,—что онъ принялъ въ свою суть Христа и Его ученіе; называютъ его „истинно мудрымъ, исполненнымъ и христіанскаго и политическаго разума народомъ“ и пр. Мы вполне раздѣляемъ послѣднее мнѣніе и думаемъ, что съ нимъ согласится всякій, кому подольше привелось жить среди нашего простаго народа и наблюдать проявленія его религиозной и нравственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кто имѣлъ возможность близко и долго наблюдать нашъ простой народъ, тотъ не могъ не замѣтить, какъ глубока и искренна въ немъ вѣра въ Бога, надежда на Него и любовь къ Нему,—съ какимъ простодушнымъ и дѣтскимъ довѣріемъ онъ вручаетъ себя и свои дѣла водителству Промысла; тому не разъ, конечно, приходилось быть свидѣтелемъ его кротости, глубокаго смиренія и непоколебимаго терпѣнія, съ которыми онъ переносилъ и переноситъ до сихъ поръ невзгоды своей тяжелой доли. А кто не знаетъ съ какимъ милосердіемъ, соболѣзнованіемъ и сердобольнымъ участіемъ относится нашъ народъ ко всѣмъ бѣднымъ, нищимъ, страждущимъ, калѣкамъ и даже къ самымъ преступникамъ и своимъ врагамъ? Кто не знаетъ его преданности православной церкви, ея законамъ и уставамъ? его любви къ храму и церковному богослуженію? его жажды слушать слово Божіе? Едва ли нужно напоминать, какъ глубоко въ немъ укоренены тѣ нравственныя начала, на которыхъ утверждается всякая общественная жизнь: его уваженіе и почтительность къ родителямъ и старшимъ, его готовность повиноваться начальникамъ и властямъ, начиная отъ самой низшей до самой высшей; а благоговѣніе его къ верховной власти безпредѣльно. Граж-

данскія его доблести, возвышающіяся до геройскаго самоотверженія, не подлежат ни малѣйшему сомнѣнію: его готовность служить своему отечеству и жертвовать для него своими трудами, достояніемъ и жизнью поражаетъ своей простотой и геройскимъ величіемъ. Исторія отечественныхъ войнъ представляетъ намъ безчисленное множество примѣровъ христіанскаго мужества, терпѣнія, самоотверженія, готовности положить жизнь свой за вѣру, царя и отечество. Откуда почерпаетъ нашъ простой необразованный народъ, на который наши надменные своимъ просвѣщеніемъ либералы смотрятъ съ презрѣніемъ какъ на грубую, суевѣрную, полуязыческую массу, — откуда, повторяемъ, почерпаетъ онъ силу совершать великія подвиги истинно-христіанскаго самоотверженія? — Единственно изъ простаго и глубокаго своего убѣжденія, что такъ жить и дѣйствовать велитъ Самъ Богъ, что смерть за вѣру, царя и отечество имѣетъ высокую цѣну въ очахъ Божіихъ и пріавшимъ ее пріобрѣтаетъ прощеніе грѣховъ и вѣнецъ мученической. Всѣ эти свойства и дѣйствія русскаго народа не служатъ ли краснорѣчивымъ доказательствомъ его религіозной нравственности, которая обратилась у него въ твердыя, укоренившіяся привычки? Спрашивается теперь, откуда взялись, подъ чьимъ вліяніемъ пробудились въ русскомъ народѣ эти истинно-христіанскія чувства, развились, утвердились и обратились въ твердыя нравственныя привычки? Безъ сомнѣнія, подъ благотворнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ православной церкви и ея пастырей, которые, въ продолженіе тысячелѣтій дѣйствуя на народъ въ храмѣ — при богослуженіи, дома — при совершеніи различныхъ таинствъ и молитвословій, съумѣли насадить и возростить въ простыхъ душахъ русскаго народа сѣмена истиннаго евангельскаго ученія и возбудить въ нихъ истинно-христіанскія чувства и стремленія. Не свидѣтельству-